

На вершине горы Цзюлу величественный императорский паланкин выглядел каким-то унылым под ливнем. Дворцовый служитель в промокшей одежде держал большой зонт. Под зонтом стоял мужчина.

Ему было около тридцати лет, черты лица можно было назвать правильными. Он явно был в самом расцвете сил, но выглядел довольно удрученным. Его брови казались насупленными, создавалось впечатление, что на нем закрываются шторы - на голове у него был золотой головной убор чиновника, на поясе - королевская печать, а на плечах - черная мантия с рисунком солнца и луны, а на подкладке - красная вышивка с фениксами - именно такую одежду носил император при дворе.

Этот человек был императором Великой Цянь, который находился на троне уже несколько десятков лет.

На вершине горы было ветрено, и хотя дворцовая прислуга изо всех сил старалась укрыть его от ветра, несколько капель дождя все же попали на императора, но его это нисколько не волновало. Его взгляд был устремлен на небесную платформу секты Сюань.

На платформе стоял на коленях старик, преклонивший колени. Его седые волосы колыхались на ветру и ледяном дожде, отчего он казался еще более худым и хрупким. Порывы на вершине горы Цзюлу были настолько сильными, что флаги на императорском паланкине яростно развевались. Однако старик в белой одежде, казалось, не замечал этого, он стоял на коленях совершенно неподвижно и что-то бормотал, плотно закрыв глаза.

На краю платформы стоял на коленях мужчина средних лет, который тоже смотрел в сторону старика.

Небесная платформа находилась в центре, вокруг нее по кругу сидели шиди мастера Битана и двенадцать мастеров секты Сюань. Во внешнем круге восемьдесят один ученик держали оборону.

В секте Сюань было только трое, которые принадлежали к тому же поколению, что и мастер секты: старший шиди, мастер Битан, младший шиди, мастер Банья, и шимэй, мастер Куруо. Что касается «двенадцати мастеров», то они были элитой старших поколений, каждый со своими достоинствами. Ши Удуань, будучи ближайшим учеником мастера секты, фактически причислялся к старшему поколению по своему положению.

В это время мастер Банья стоял на страже в стороне, но мастера Куруо рядом не было. Она, как и большинство ее учеников, были женщинами. Поскольку император по какой-то причине привел в секту своих министров и генералов, то, хоть и было не совсем прилично, что она не появилась, ничего странного в этом тоже не было.

Станным было то, что здесь не было мастера секты.

Внезапно налетел порыв ветра, подхватив лежащую на земле ветку дерева и направив ее прямо на старика, стоящего в центре платформы. Ветер был слишком сильным, поэтому казалось, что эта легкая ветка несет в себе прилив свирепой энергии.

Банья удивился и тут же шелкнул пальцем в направлении ветки. В одно мгновение ветка разломилась на две части, одна из которых взлетела в небо, а другая пролетела мимо затылка старика, спутав его пучок и разбросав его седые волосы по хрупким плечам и спине, что создавало несколько жуткое зрелище.

Император не удержался и сделал полшага вперед, выражение его лица было озабоченным.

Вдруг Битан поднял глаза и тихо, но настоятельно сказал:

«Нехорошо!».

Не успел он договорить, как сломанная ветка, которой Банья ударил в небо, полетела прямо на один из фонарей. Свет, который не мог погасить даже ливень, внезапно замерцал, и под всеобщим напряженным взглядом пламя слабело и слабело.

«Великий наставник!» – крикнул император.

Старик, стоявший на коленях, рухнул, выплевывая кровь изо рта.

Стоявшие в стороне стражники тут же опустились на колени у его ног, тихо говоря:

«Ваше величество, вы не должны».

Император на мгновение замешкался, но в конце концов все же остановился. Песнопения учеников секты Сюань постепенно усиливалось, пока не стало казаться, что гул сотрясает землю. Однако фонарь не восстановил свой свет.

Он дважды вспыхнул и погас.

Старик, стоявший на коленях на земле, вдруг поднял голову и уставился на погасший фонарь, протянув к нему руку. Банья и Битан, отделенные друг от друга расстоянием в десять шагов, встретились взглядами. Банья решительно покачал головой, а в глазах Битана мелькнул огонек.

В это время мужчина средних лет у небесной платформы встал и почтительно протянул кинжал старику.

Старик на мгновение взглянул на кинжал, затем рассмеялся, почти с облегчением. Затем он перевернул кинжал и вонзил его себе в сердце. Кто знает, насколько глубоко он вонзил кинжал, но очень быстро кровь из его сердца стекала по лезвию и постепенно сливалась в линию, как будто направляемая какой-то силой. Небольшой порыв подхватил нить из крови и поднял ее к погасшему горному фонарю. Она превратилась в огненный шар и снова зажгла фонарь, но свет от него казался тускло-красным.

Только тогда ветер и дождь начали стихать. Старик поднял голову к небу и молча стоял на коленях с кинжалом, воткнутым в грудь, как будто он уже умер.

Через некоторое время Битан встал и сказал, растягивая слова:

«Церемония завершена».

Как только он закончил говорить, император поднял свою мантию, вбежал на платформу и поддержал рухнувшего старика:

«Великий наставник, вы....».

Старик ошеломленно поднял голову, его взгляд уже потух. Император посмотрел на кинжал в его груди, стиснул зубы и схватился за рукоятку, словно собираясь выдернуть его. Битан, появившийся рядом с ним, тихо сказал:

«Ваше величество, великий наставник использовал кровь своего сердца, чтобы зажечь седьмой фонарь. Сейчас он должен обратиться к вам со словами. Если вы вытащите кинжал, то не сможете их услышать».

Черты лица императора на мгновение исказились, его рука начала дрожать.

Однако старик поднял руку, схватившись за воротник императорской мантии, словно в предсмертной вспышке ясности. Его взгляд был испепеляющим, когда он сказал:

«Я зажег седьмой фонарь, ради Великой Цянь, еще на семьдесят лет Небесного Мандата, но... но....».

Он вдруг вздохнул, его следующие слова словно застряли в груди. Он с трудом выговорил:

«Сердца сверчков и муравьев не могут угадать намерения Неба, будет... будет...».

Наконец, он не смог продолжать. Его тело неистово билось в конвульсиях, а взгляд пригвоздил императора к месту. Затем он слегка повернулся и посмотрел сквозь императора на беззвучно плачущего человека средних лет позади него. Его пурпурно-синие губы слегка дрожали. Он чувствовал, что в его груди тысячи слов, которые он хотел сказать - он еще не видел дня, когда благоприятные ветра и воды придут в империю, еще не видел людей, живущих в мире и счастливо работающих. Чувство неприятия сковало его грудь, как будто даже кровь в сердце застыла и перестала двигаться.

Мужчина средних лет с плачем опустился на колени:

«Отец, будь уверен, твой сын будет помогать императору и не пожалеет сил ради процветания Великой Цянь!»

Свет в глазах старика постепенно угасал. Судорожно сжатая рука, вцепившаяся в воротник императора, медленно теряла силу, слабо опускаясь вниз. Глаза, которые, казалось, видели сквозь тысячи миль гор и вод, наконец опустели.

Выдающийся чиновник умер, оставив после себя лишь сгорбленный, охрипший труп.

В тринадцатый год правления Великой Цянь Янь Хуайпу, который в былые времена был великим наставником императора, использовал свою жизнь, чтобы обменять Небесный Мандат Великой Цянь на вершине горы Цзюлу, на небесной платформе секты Сюань. Поднялся ветер, погас фонарь, после чего кровь вновь наполнила его сердце.

В это же время Ши Удуань наконец-то смог увидеть, что происходит на задней горе. Вся долина Кангюнь была окутана облаком черного тумана. Яо всех размеров разбегались во все стороны, спасаясь бегством, и дрожали от страха. С высоты казалось, что туман был особенно плотным в районе пещеры Огненного Лотоса.

Ши Удуань схватил получеловека-полузверя духа оленя, который пробежал мимо него, и спросил:

«Что здесь произошло? Что случилось с госпожой Бай и небесными лисами?».

Дух оленя был так напуган, что его глаза почти закатились в глазницы, он дрожащим голосом сказал:

«Не... невероятно, лей-линии долины были разорваны божественной молнией, и сейчас как раз совпадает с часом инь, месяцем инь, днем инь. Кто-то пошел наперекор судьбе и зажег фонари, приносящие удачу. Великая печать - великая печать вскрылась, демоны спускаются на землю!».

Всю чепуху, которую он нес о божествах и демонах-монстрах, Ши Удуань проигнорировал. Не дожидаясь, пока он закончит, он беспокойно спросил:

«А как же тогда маленькая Ли-цзи? Что с Бай Ли?»

Дух оленя вздрогнул, словно не понимая, о ком идет речь. Ши Удуань продолжил:

«Она дочь госпожи Бай, Бай Ли...».

Все тело духа оленя задрожало, его лицо выглядело так, будто он увидел привидение, он был так напуган, что готов был описаться - к счастью, нижняя часть его тела была оленьей, поэтому на нем не было штанов.

Он яростно вырывался из рук Ши Удуаня, крича:

«Я не знаю, я не знаю!».

А потом побежал без оглядки.

Ши Удуань топнул ногой, устремляясь навстречу бегущим яо вглубь долины.

Он почувствовал сильную тревогу - Ши Удуань никогда в жизни не испытывал такой тревоги, это был практически первый раз, когда он почувствовал страх, но он знал в своем сердце, что это все равно, что если бы его дом загорелся, а его жена была внутри. Как бы ему ни было страшно, он не мог просто оставить свою жену одну внутри, верно?

Поэтому он смело пошел вперед.

Чем ближе он подходил к пещере, тем гуще становился черный туман, и тем быстрее билось его сердце. Когда он дошел до входа, его руки и ноги стали ледяными, ноги свело судорогой, а колени ослабли. Ши Удуань на мгновение остановился, посмотрел на птицу Куйбин, его лицо стало белым, как бумага, и сказал птице:

«Ты лети вверх, туман в небе слабее, не следуй за мной».

Птица Куйбин легонько клюнула его в нос, ведя себя нехарактерно мягко.

Ши Удуань немного опустил руку, призывая:

«Давай же, быстрее».

Но птица словно приклеилась к его руке и не двигалась, что бы он ни говорил. Он на мгновение закрыл глаза, затем вздохнул и привязал астрорябию, зеленое свечение которой постепенно гасло, к спине птицы. Он взял птицу с собой и побежал в пещеру, крича на бегу:

«Маленькая Ли-цзи! Где ты?»

«Маленькая Ли-цзи, ты....».

Его слова застряли в горле, потому что все большие и маленькие яо внутри пещеры Огненного Лотоса повернулись, чтобы посмотреть на него. Некоторые из них выглядели как люди, а некоторые - как лисы, и все они смотрели на него. Монарх яо Бай Цзыи стояла в центре с длинным мечом в руках, кончик меча был прижат к чьей-то груди.

Этот человек был привязан к столбу в центре платформы, и, судя по всему, это был юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Его белоснежные одежды уже насквозь пропитались кровью, но глаза были открыты, как будто в них горела крошечная ненависть, которая не утихнет, пока последняя капля крови не покинет его тело. Это было зрелище, от которого леденели сердца всех, кто смотрел на него.

Несмотря на то, что внешность была другой, лицо было знакомым до такой степени, что Ши Удуань застыл на несколько секунд, прежде чем понял - это Бай Ли!

Когда взгляд Бай Ли остановился на нем, его холодное, жесткое выражение лица немного смягчилось, казалось, он растерялся.

У Ши Удуаня не было времени размышлять, почему Бай Ли вдруг так сильно вырос, и почему он вдруг стал похож немного на человека, потому что по сравнению с ситуацией «мама Бай Ли хочет его убить» они стали легкими, как гусиные перья.

В момент отчаяния его глаза заметались по комнате, но рот издал глупый смешок и сказал:

«Айя, это... простите, простите, я был невнимателен и зашел не туда».

<http://bllate.org/book/14187/1250171>